

Трущобный роман о «ДУРНОЙ НОЧИ»

ГАСА ВАН СЕНТА

Михаил Трофименков

ЕСЛИ музыка в стиле гранж родилась в середине 1980-х годов в Сиэтле, штат Вашингтон, то рождение кинематографического гранжа, безусловно, ознаменовано «Дурной ночью», дебютом и одним из лучших фильмов уроженца

Луисвилла, штат Кентукки, Гаса ван Сента, снятым в Портленде, штат Орегон. Место съемок символично: Портленд, судя по воспевающей его книге Чака Паланика «Беглецы и бродяги», может претендовать на звание самого гранжевого города Америки. Недаром же Рональд Рейган и Джордж Буш-старший называли его маленьким Бейрутом. Там, если верить Паланику, орудуют грабители в наволочках на голове, на каждое Рождество буйствуют толпы перепившихся и обдолбанных санта-клаусов, в любом уважающем себя отеле живут привидения, а в одной из церквей служит обедню свинья. В «Дурной ночи» все гораздо прозаичнее и, как сказала бы Алиса, все «страньше и страньше».

Реальность, впервые выведенная ван Сентом на экран, казалась в те годы весьма экзотичной. Гнилые отели с истеричными хозяйками, улицы, по которым шляются фрики-маргиналы, страсти, достойные пера Жана Жене, загорающиеся — задолго до «Горбатой горы» — в сердцах непритомливых парней. Снято все это, естественно, в черно-белой гамме с редкими вкраплениями-взрывами цвета, на 16-миллиметровой пленке. Герой по имени Уолт (Тим Стретер) в секонд-хендовском пальто и с трехдневной щетиной работает в семейной бакалейной лавке, куда, например, заявляются за покупками дегенеративные братья-ветераны. Уолт отчаянно влюблен в мексиканского пацана-гастарбайтера Джонни (Дуг Куйейт). Джонни, кажется, нет еще и восемнадцати, он не понимает ни слова по-английски, но, как записной мачо, держит навязчивого ухажера за больного на всю голову опасного педрилу. За невозможностью заполучить Джонни Уолт вынужден довольствоваться сексом с его корешем Пеппером (Рей Монге), после которого чувствует себя изнасилованным.

Прочитав столь краткое изложение сюжета, легко представить себе нечто предельно мрачное, трущобное, с неизбежно трагической развязкой. Между тем Гас ван Сент снял легкое, воздушное, лихое кино, основанное на интимном дневнике некоего реального парня по имени Уолт. И что самое главное — кино очень смешное. Местами. Гомоэротические страсти в жутковатом Портленде средни легкому мариводажу, любовным интригам французской литературы XVIII века. Этакий комический балет среди мусорных бачков или на проселочных дорогах, ведущих, кажется, не иначе как в какой-нибудь Твин Пикс. Джонни и Пеппер, став объектом слишком пристального внимания прохожего копа, убегают от него, дуря ему голову, как дурил полицейских бродяжка Чарли

КОМИЧЕСКИЙ БАЛЕТ НА ПРОСЕЛОЧНЫХ ДОРОГАХ, ВЕДУЩИХ, КАЖЕТСЯ, НЕ ИНАЧЕ КАК В КАКОЙ-НИБУДЬ ТВИН ПИКС

Чаплина. Так же, в духе немого бурлеска, они дразнят бедолагу Уолта, затеявшего с ними загородную прогулку: делают вид, что бросили его, срываются на автомобиле с места, потом тормозят за пару сотен метров и, дождавшись, когда он приблизится, снова жмут на газ. Впрочем, Уолт не в претензии. Кажется, что он, как и сам ван Сент, чувствует себя режиссером и искренне восхищается постановочными фантазиями легкомысленных латинос. Ван Сент, конечно же, сине-

фил, но не из тех синефилов, что тычут в нос зрителям свои знания. Синефилия проявляется у него тоже в легкой форме. Не сразу иобразишь, например, что Джонни, гордо размахивающий раздобытым где-то револьвером и целящийся из окна автомобиля в солнечный свет как в копейку, — родной внук годаровского Мишеля Пуакара, так же жившего «на последнем дыхании», как живут герои «Дурной ночи».

«Дурная ночь» (Mala Noche, 1985)